

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.51>

Бобырева Екатерина Валерьевна

Модальность русскоязычного и англоязычного религиозного дискурса (на материале библейских текстов)

Цель исследования - выявить различия в передаче модальности в русскоязычном и англоязычном религиозном дискурсе. В статье обосновано наличие модальности как характеристики религиозного дискурса; проведен сопоставительный анализ текстовых фрагментов русскоязычного и англоязычного дискурса, выявлены случаи актуализации деонтической и алетической модальности, установлены различия в языковых средствах ее передачи в рассматриваемых языках. Научная новизна работы состоит в установлении различий в языковых средствах передачи модальности. В результате доказано, что не наблюдается существенных различий в языковых средствах актуализации модальности побуждения, предостережения, совета и угрозы; различия выявлены в языковых средствах актуализации модальности оценки, желания, предостережения и запрета.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/10/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 259-264. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Comparative Historical, Typological and Contrastive Linguistics

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.51>

Дата поступления рукописи: 21.07.2020

Цель исследования – выявить различия в передаче модальности в русскоязычном и англоязычном религиозном дискурсе. В статье обосновано наличие модальности как характеристики религиозного дискурса; проведен сопоставительный анализ текстовых фрагментов русскоязычного и англоязычного дискурса, выявлены случаи актуализации деонтической и алетической модальности, установлены различия в языковых средствах ее передачи в рассматриваемых языках. *Научная новизна* работы состоит в установлении различий в языковых средствах передачи модальности. *В результате* доказано, что не наблюдается существенных различий в языковых средствах актуализации модальности побуждения, предостережения, совета и угрозы; различия выявлены в языковых средствах актуализации модальности оценки, желания, предостережения и запрета.

Ключевые слова и фразы: религиозный дискурс; сопоставление; модальность; субъективная модальность; объективная модальность; аксиологичность.

Бобырева Екатерина Валерьевна, д. филол. н., доц.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
new_life@mail.ru

Модальность русскоязычного и англоязычного религиозного дискурса (на материале библейских текстов)

В статье рассмотрена в сопоставительном плане модальность русскоязычного и англоязычного религиозного дискурса. *Актуальность* исследования обусловлена: а) отсутствием специальных исследований, посвященных вопросам модальности различных типов дискурса, а также отдельных языковых и речевых единиц в рамках того или иного типа дискурса; б) отсутствием и необходимостью проведения исследований, поднимающих вопросы особенностей функционирования отдельных речевых актов в религиозном дискурсе; в) значимостью сопоставительного изучения категории модальности в различных типах дискурса в разных лингвокультурах.

В ходе проводимого исследования были поставлены и решены следующие *задачи*: а) определить суть категории модальности и выявить ее типы; б) обосновать наличие модальности как характеристики религиозного дискурса; в) провести сравнительный анализ типов модальности, реализуемых в русскоязычном и англоязычном религиозном дискурсе; г) выявить особенности языковой актуализации выделенных типов модальности.

В статье использованы *методы* семантического, контекстуального и сопоставительного анализа.

Теоретическую базу проводимого исследования составили работы, связанные с изучением модальности как категории (А. В. Бондарко, С. С. Ваулина, В. В. Виноградов, Г. В. Колшанский, М. В. Ляпон, Г. П. Немец, Т. В. Романова, З. Я. Тураева и др.), рассмотрением вопросов текстовой модальности (М. А. Кормилицына, Р. П. Мильруд, Л. И. Орлова, Н. А. Родионова, Т. В. Романова, Л. В. Селезнева, З. Я. Тураева и др.), исследованием вопросов модальности отдельных речевых актов (И. А. Афонская, Е. И. Беляева, Л. М. Бикбаева, И. Ю. Кукса и др.), изучением вопросов модальности (Е. В. Аверьянова, В. И. Карасик и др.).

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в общую теорию дискурса, дополняя ее данными о модальной составляющей религиозного дискурса.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов в курсах общего языкознания, лексикологии и стилистики русского языка, спецкурсах по теории текста и дискурса, психолингвистике и когнитивной лингвистике.

Модальность как термин имеет широкую семантику. Ш. Балли говорил о модальности как о «выражении реакции мыслящего субъекта на его представление» [1, с. 234]. «Модальность – душа предложения; как и мысль, она образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта. Следовательно, нельзя придавать значение предложения высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности» [Там же, с. 44].

В рамках отечественной лингвистики модальность рассматривается как значимая семантическая категория, раскрывающая отношение содержания предложения или высказывания к реальности. Основателем данной теории выступает В. В. Виноградов, по мнению которого «любое выражение эмоций или мысли отражает реальность при помощи имеющихся в языке средств. Кроме того, еще и выражает модальность» [4, с. 67].

В. В. Виноградов рассматривает модальность одновременно и как субъективную, и как объективную категорию, трактуя ее как обязательный компонент любого предложения и высказывания: «Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [Там же, с. 55].

Модальность включает в себя следующие компоненты: 1) субъективный компонент – указание как на субъекта (знания, оценки, желания), так и на адресата речи; 2) дискретный компонент – указание на дискретность времени (разрыв между моментом речи и моментом осуществления/неосуществления действия или ситуации); 3) волевой компонент – факт принятия решения об осуществлении/неосуществлении действия или реализации ситуации; 4) компонент каузации – сообщение об осознанно или неосознанно осуществленном действии, которое привело к смене конкретного состояния; 5) контрастивный компонент – противопоставление компонентов как движущая сила, реализуемая с помощью отрицания.

Все вышеперечисленные модальные компоненты значения отражают широкое понимание модальности в русском и английском языковом сознании. Модальность в широком смысле также можно представить как эффективное средство манипуляции сознанием человека.

Модальность, понимаемая в узком смысле, включает языковые средства передачи отношения говорящего к высказыванию: в русском языке – с помощью таких единиц, как модальные глаголы, модально-приглагольные частицы, модальные слова, модальные словосочетания и т.п.; в английском – с помощью модальных глаголов, прилагательных с эмоционально-оценочным коннотативным компонентом, особого порядка слов и т.п.).

М. В. Зайнуллин выделяет: *модальность действительности* (реальное, достоверное) и *модальность недействительности* (предположительное, возможное, желаемое, сомнительное и т.п.) [5, с. 104]. Данные типы модальности имеют место и в английском языке при наличии различных языковых способов реализации в разных типах дискурса.

Кроме того, выделяют алетическую модальность, деонтическую модальность и эпистемическую модальность.

Религиозный дискурс, выступающий объектом нашего исследования, с одной стороны, относится к институциональному типу общения, с другой – невозможно найти другой столь личностно-ориентированный тип дискурса.

Целью религиозного дискурса является приобщение человека к вере, постулирование конкретных норм и ценностей, а также контроль за исполнением установленных данным вероучением правил. Религиозный дискурс в целом предназначен для передачи высшей истины. Отправной точкой истины выступает высшая сила, наставления и поучения которой отражены в священных религиозных текстах.

Религиозный дискурс в концентрированном виде передает наиболее общие и значимые для человека знания о мире. К числу специфических характеристик религиозного дискурса могут быть отнесены такие, как: ритуализация (наличие четко заданного ритуала богослужения присуще любой религии и конфессии), сакральность, дидактичность, театральность, эзотеричность, мифологизация сознания.

В религиозном дискурсе ритуализация «возведена в абсолют» [3, с. 9]. Система ритуалов представляет собой сложную семиотическую систему, обладающую глубоким содержанием. В религиозном дискурсе ритуал часто выступает основным способом передачи информации. Любое как вербальное, так и невербальное высказывание в религиозном дискурсе имеет четкую ритуальную основу.

Религиозный дискурс дидактичен и аксиологичен. Функционирующие в рамках религиозного дискурса ценности (представляющие собой абстрактные сущности: добро, вера, истина, мудрость, любовь и др.) выражают суть конкретного религиозного вероучения.

Религиозный дискурс не лишен театральности. «Театральность религиозного дискурса означает достаточно сильную обусловленность дискурсной практики местом и временем ее осуществления, что предполагает определенную эмоциональную вовлеченность не только непосредственных участников коммуникации, но и тех, кто так или иначе имеет отношение к религиозным практикам. Аппелляция к эмоциям и воздействие на эмоциональную сферу, что также многими исследователями отмечается в качестве особенности религиозного дискурса, обуславливают более сильный, по сравнению с иными типами институциональных дискурсов, эффект вовлечения адресата в дискурсное поле» [8, с. 53].

Языку религиозного дискурса присуща эзотеричность (тайноречие), многие лексические единицы и синтаксические конструкции, используемые в данном типе институционального общения, непонятны средне-статистическому адресату, в то же время такая форма используемых языковых единиц оправдана, поскольку позволяет создать эффект чего-то нереального, а в нереальное всегда хочется верить, поскольку оно

более притягательно и заманчиво, чем обыденная реальность. Эзотеричность, в свою очередь, связана с мифологизацией сознания, которая усиливается за счет использования определенной символики и атрибутики.

В религиозном дискурсе эмоциональность превалирует над рациональным компонентом. «Религиозный дискурс лишен рациональности. Его основой является эмоциональное переживание чуда, переживание единения с высшей силой – Богом и с коллективом единоверцев. Любая попытка перевести религиозный дискурс в полностью рациональную сферу неизбежно лишит его неповторимой специфики, вплоть до того, что последний может перейти в иной, отличный от религиозного, жанр» [3, с. 13].

Следуя за широким определением модальности как «не только характеристики реальности и нереальности, но и отношения говорящего к высказываемому» [9, с. 24], мы определяем модальность как дополнительные оттенки значения, накладываемые на основное содержание речевого акта и помогающие лучше передать интенцию адресанта сообщения.

Анализируя религиозный дискурс с позиций философии, А. М. Прилуцкий говорит о таких типах модальности, как профетический, эпистемический, дебитивный и императивный типы.

Профетическая модальность – модальность, связанная с пророческим (наставляющим) служением современной церкви.

Эпистемическая модальность передает оценку говорящим достоверности транслируемой информации.

Дебитивная модальность передает долженствование, обеспечивая восприятие мира с позиции необходимости следовать традициям, нормам и требованиям.

Императивная модальность реализуется в побудительных предложениях, отличается значительным модальным потенциалом и перлокутивностью [10].

«Синтетический характер религиозной модальности заключается в знаково-символическом обособлении от негативной зависимости и трансформации институционально-социальной формы базовой рациональной информации в ценностное эмоциональное отношение веры. Абсолют религиозной формы человеческой субъективности связан с сильным духовным компонентом религии в аспекте ее толерантности, а релятивно-социальная сторона религии сопряжена с авторитарностью и нетерпимостью к инакомыслию» [7, с. 18].

Модальность религиозного дискурса – это «особый эмоционально-фидеистический аспект, моделирующий особую реальность» [6, с. 139].

Модальность способствует формированию специфической картины мира данного народа. А модальность религиозного дискурса выступает одним из инструментов воздействия на человека.

В терминах объективности/субъективности в религиозной сфере могут быть обнаружены образцы как объективной, так и субъективной модальности. Объективная модальность в данном случае проявляется:

- в постулировании определенного положения вещей: *Господь дает мудрость; из уст Его – знание и разум* (Притчи Соломоновы, 2:6);

- в отношении к окружающему миру как реальности, данной Богом: *...Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою* (Притчи Соломоновы, 6:6);

- в вероятности (возможности/невозможности) совершения конкретных событий и возможности конкретных действий: *...И сказал Моисей Господу: не может народ взойти на гору Синай, потому что Ты предостерег нас, сказав: проведи черту вокруг горы и освяти её* (Исход, 19:23).

Ряд авторов придерживаются классификации модальности на алетическую, деонтическую и эпистемическую. Данные виды модальности могут быть найдены в различных жанровых образцах религиозного дискурса.

Алетическая модальность – заключенная в лексической единице информация о необходимости/случайности, возможности/невозможности совершения действия или фактической обусловленности суждения. В рамках алетической модальности различают: а) логическую модальность (реализуемую в суждениях, выражающих законы логики); б) фактическую модальность (связана с объективной обусловленностью суждений в соотношении с реальной действительностью).

Деонтическая модальность – реализуемая в суждении просьба, совет, приказ, предписание. Во всей массе предписаний можно выделить нормативные предписания и нормы права (правообязывающие, правопрещающие, правопредставляющие). К примерам деонтической модальности могут быть отнесены такие виды, как «обязательно», «разрешено», «запрещено», «безразлично».

Эпистемическая модальность – заключенная в высказывании информация о конкретном положении дел и степени его обоснованности. Эпистемическая модальность делится на логическую (логически обоснованную и основанную на знаниях) и внелогическую (основанную на вере). Данная модальность реализуется в таких понятиях, как «доказано», «опровергнуто», «убежден», «сомневается».

В религиозном дискурсе реализуются такие виды модальности, как модальность оценки, побуждения и долженствования, желания и просьбы, предпочтения и совета, предостережения и запрета, модальность угрозы [3, с. 138]. Тогда как фактическая информация, заключенная в религиозных суждениях, совпадает в русскоязычном и англоязычном религиозном дискурсе, модальный компонент значения может существенно различаться или передаваться различными языковыми средствами.

Модальность оценки дифференцирует окружающее в рамках понятий «плохо» и «хорошо». Оценка в религиозном дискурсе проводится Всевышним – автором посланий Священного Писания, а также пророком, выступающим транслятором слова Божья, и священнослужителем, который доносит до паствы содержание Священного Писания. Модальность оценки может быть обнаружена в любом тексте Священного Писания:

Лучше бедный, ходящий в своей непорочности, нежели тот, кто извращает пути свои, хотя он и богат (Притчи, 28:6). В англоязычном дискурсе, также как и в русскоязычном, оценка передается с помощью прилагательных в разных степенях сравнения, ярко выраженных оценочных прилагательных, наречиях: *Better is the poor man whose ways are upright, than the man of wealth whose ways are not straight.* / *Лучше бедный человек, пути которого честны, чем богатый, который не ходит путями прямыми* (Притчи, 28:6) (здесь и далее перевод взят из русскоязычного варианта Библии. – Е. Б.) или: *It would have been better for the Lord to have put us to death in the land of Egypt, where we were seated by the flesh-pots and had bread enough for our needs; for you have taken us out to this waste of sand, to put all this people to death through need of food.* / *Лучше бы Господь предал нас смерти в земле Египетской, где мы сидели у котлов с мясом, когда ели хлеба досыта; ибо вывели вы нас в ту пустынную землю, чтобы уморить всех людей голодом* (Исход, 16:3).

В то же время в английском религиозном дискурсе имеют место случаи передачи модальности оценки с использованием не сравнительной или превосходной, а положительной формы прилагательного. В данном случае модальность оценки оказывается контекстно обусловлена: *Declare his glory among the heathen; his marvelous works among all nations.* / *Возвестите славу Его среди язычников; его чудесные дела среди всех народов* (1 Числа, 16:24). В данном примере большую нагрузку несет коннотативно заряженная единица “marvelous”, которая даже в положительной форме имеет ярко выраженный компонент значения *marvelous*: “of the best quality, causing wonder or astonishment” (лучшего качества, вызывающий удивление и восхищение).

Отметим также, что частотность актуализации модальности оценки в русскоязычном и англоязычном религиозном дискурсе имеет приблизительно одинаковый удельный вес, несколько различаются структурно-семантические средства ее реализации: больший удельный вес структурных единиц в русском языке (в том числе параллельных конструкций) и эмоционально заряженных лексических единиц в английском.

Модальность побуждения занимает второе место по значимости и частотности в религиозном дискурсе. Фрагменты текста, содержащие *модальность побуждения* (и тесно с ней связанного долженствования), содержат перечень наставлений, как следует поступать человеку, желающему жить по законам и положениям данного религиозного учения. В русскоязычном религиозном дискурсе модальность долженствования может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно. Но и имплицитную форму фраз, передающих интенцию побуждения, адресат воспринимает как предписание и даже приказ: *Воздайте Господу, племена народов, воздайте Господу славу и честь, воздайте Господу славу имени Его. Возьмите дар, идите пред лицо Его, поклонитесь Господу в благолепии святых имени Его* (1 Паралипоменон, 16:29-30).

В англоязычном религиозном дискурсе, во многом в силу четко фиксированных структурно-синтаксических форм построения фразы, мы практически не имеем имплицитных форм выражения побуждения. Все побуждения переданы эксплицитно и, кроме того, благодаря вынесению глагольной единицы в начальную синтаксически сильную позицию практически всегда приобретают дополнительную модальность приказа: *Remember the day you stood before the Lord your God at Horeb, when the Lord said to me, ‘Assemble the people to Me, that I may let them hear My words so they may learn to fear Me all the days they live on the earth, and that they may teach their children’.* / *Вспомни о том дне, когда ты стоял пред Господом, Богом твоим в Хориве и когда Господь сказал тебе: собери ко Мне народ и я возведу им слова мои, чтобы они научились бояться Меня во все дни жизни своей на земле и научат они детей своих* (Второзаконие, 4:10-15). Сопоставление англоязычного и русскоязычного перевода выявляет разницу в актуализации модальности, поскольку глагол *may* имеет значение *возможности*, которая исчезает в русскоязычном переводе.

Иногда в англоязычном религиозном дискурсе модальность побуждения приобретает форму и направленность приказа: *Remember how short my time is: wherefore hast thou made all men in vain? / Помни и не забывай, как коротко мое время: потому зачем заставлять человека делать что-то впустую?*, а также угрозы: *Remember, and forget not, how thou provokedst the LORD thy God to wrath in the wilderness: from the day that thou didst depart out of the land of Egypt, until ye came unto this place, ye have been rebellious against the LORD.* / *Помни и не забывай, как ты искушал ГОСПОДА Бога твоего на проявление гнева в пустыне: с того дня, как вы ушли из земли Египетской и до того дня, когда вы вернулись и восстали против ГОСПОДА* (Второзаконие, 9:7-8). В данном примере необходимо обратить внимание на перевод местоимений *thou* – ты, *thou* – вы, *ye* – вы.

Любая имплицитная форма, если бы таковая была использована в подобном контексте, переводила бы модальность побуждения в модальность предпочтения или желания (чего не происходит в англоязычном религиозном дискурсе).

Следует отметить, что модальность долженствования как в русскоязычном, так и в англоязычном религиозном дискурсе почти всегда подкрепляется и эмоциональным компонентом страха: *There has been enough of God’s thunder and hail. I will let you go; you don’t need to stay any longer.* / *Достаточно Божьего гнева и града; ты не должен оставаться больше здесь. Я позволю тебе уйти* (Второзаконие, 5:7).

Частотность актуализации модальности побуждения (долженствования), так же как и рассмотренной модальности оценки, в русскоязычном и англоязычном религиозном дискурсе имеет приблизительно одинаковый удельный вес. Кроме того, схожи и языковые единицы ее передачи (императивные формы, модальные компоненты и т.п.). Совпадает и сопровождение модальности побуждения (долженствования) компонентом страха.

Модальность желания и просьбы, актуализируемая в религиозном дискурсе, во многом выражает насущные потребности человека. Человек, оценивая окружающую действительность, выражает имеющиеся у него желания и обращается к Господу с просьбой, например: *Доброму разумению и ведению научи меня, ибо заповедам Твоим я верую* (Псалтирь, 118:73). При этом человек имеет в сознании четкую картину норм и ценностей (культивируемых данным религиозным вероучением), выбирая то, что ему требуется: *Господи! Услышь*

молитву мою, и вопль мой да придет к Тебе. Не скрывай лица Твоего от меня (Псалтирь, 101:1-2). В ряде случаев высказывание, содержащее просьбу, сопровождается более жесткой модальностью требования или приказа.

Для англоязычного религиозного дискурса нехарактерно смыкание просьбы с приказом. В рамках данного дискурса скорее характерно смыкание модальности желания с модальностью предпочтения: *I wish all of the LORD's people were prophets and that the LORD would put his spirit upon them!* / *Желал бы я, чтобы все люди ГОСПОДА были пророками и чтобы ГОСПОДЬ распротер свой дух над ними!* (2 Коринфянам, 5:8). *Prophet* может иметь значение «проповедник», а *LORD* переведен для русскоязычных как Господь, тогда как этимология слова *LORD* имеет значение *хозяин, владыка, повелитель*. В настоящей статье брались существующие варианты англоязычного и русскоязычного переводов Библии.

Модальность предпочтения и совета присуща практически всем религиозным высказываниям и текстовым фрагментам Библии. Это предопределяется дидактичностью рассматриваемого типа общения. Данный вид модальности является одним из ведущих в религиозной сфере, поскольку, во-первых, религиозный дискурс дидактичен, а дидактика предполагает поучения и наставления, а во-вторых, Священное Писание представляет собой свод предписаний человеку, как следует и не следует поступать. Назидательный характер религиозного дискурса приводит к тому, что даже совет в данной сфере институциональной коммуникации воспринимается как нравоучение: *Ищите Господа и силы Его, ищите лица Его всегда. Воспоминайте чудеса Его, которые сотворил, знамения Его и суды уст Его, вы, семя Авраамова, рабы Его...* (Псалтирь, 104:4-11). В русскоязычном религиозном дискурсе речевые акты совета и приказа часто смыкаются и могут быть дифференцированы только по характеру каузируемого действия. Так, например, фразы, центральной единицей которых выступает глагольная единица «идите...», «ищите...», «запомните...» и т.п., могут восприниматься и как приказ, и как совет. В англоязычном религиозном дискурсе подобные речевые акты, наряду с советом, почти всегда несут модальность приказа: *Look now toward heaven, and tell the stars, if thou be able to number them: and he said unto him, So shall thy seed be.* / *Посмотри теперь на небо и обрати взоры к звездам и скажи, можешь ли ты сосчитать их: и сказал ему, Таково будет и семя твое* (Бытие, 15:5).

Частотность актуализации модальности предпочтения (совета) гораздо выше в русскоязычном религиозном дискурсе по сравнению с англоязычным. Несколько отличаются и языковые единицы ее передачи.

Модальность предостережения и запрета также довольно часто встречается в религиозном дискурсе в различных лингвокультурах. Предостережение и запрет в определенном смысле выступают частями единого целого: человека предупреждают о том, что делать и как поступать не следует, одновременно давая совет и указывая, что есть благо для него. Таким образом, религия (и это в большой мере относится к христианству) устанавливает целый ряд запретов, указывая, что делать категорически нельзя. Предостережение, как правило, передается имплицитно: *Будь осторожен и весьма внимателен, ибо ты ходишь с падением твоим* (Сирах, 13: 6); тогда как запрет чаще принимает эксплицитную форму. Но в ряде случаев запрет может восприниматься, скорее, как наставление: *Не будь слишком строг, и не выставляй себя слишком мудрым; зачем тебе губить себя?* (Екклесиаст, 7:8).

Модальность запрета в религиозном дискурсе в обоих лингвокультурах реализуется эксплицитно посредством глагольной формы отрицания: *And the covenant that I have made with you ye shall not forget; neither shall ye fear other gods.* / *И завет, который Я заключил с вами, вы не забудете; а также не будете вы бояться других богов* (2-я Книга Царств, 17:38).

В английском религиозном дискурсе нередко модальность запрета несколько вуалируется, сливаясь с модальностью предостережения или совета: *Be careful not to forget the descendant of Levi while you live in the land.* / *Будьте осторожны, чтобы не забыть потомка Леви, пока вы живете в этой земле* (Второзаконие, 12:19).

Проведенный анализ показал, что частотность актуализации модальности предостережения и запрета примерно одинакова в русскоязычном и англоязычном религиозном дискурсе.

Модальность угрозы тесно связана с модальностью предостережения и запрета. Предостережение в религиозном дискурсе практически всегда сопровождается угрозой; как правило, в религиозном дискурсе постулируются последствия для человека его возможного неповиновения или отказа следовать установленным правилам: *Немного постишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь: и придёт, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник* (Притчи, 6:11).

Модальность угрозы всегда сопровождается отрицательной оценкой. Интенция угрозы, как правило, заключается адресантом в констатацию определенного будущего действия или состояния (как реального, так и предполагаемого), совершение которого нежелательно для адресата. В целом угроза как директивный речевой акт и как речевое действие может быть представлена в двух вариантах: а) угроза-наказание и б) угроза-предупреждение [2, с. 72]. Угроза-наказание характерна для ситуаций, когда адресат уже совершил какое-либо нежелательное, с точки зрения адресанта, действие и адресант информирует адресата о наказании, которое должно последовать. По мнению А. Н. Баранова, основной смысловой акцент в семантике угрозы-наказания – заставить адресата бояться. Угроза-предупреждение имеет место в тех случаях, когда адресант заранее предвидит, предчувствует, что адресат потенциально может совершить нежелательное действие, и его задача – оградить его от совершения указанного, предотвратить поступок, действие адресата. Для религиозного дискурса, в силу его общей дидактичности, характерны угрозы-предупреждения. В целом модальность угрозы может реализовываться в директивных речевых актах приказа, предостережения, предупреждения, предписания или совета.

Выводы. Модальность выступает подвижной категорией, не имеет четкой языковой закреплённости, демонстрирует различную дискурсивную и лингвокультурную специфику. Религиозный дискурс, в силу своей

дидактичности, отличается высокой степенью модальности. Дискурсивная специфика определяется сферой общения и имеет одинаковые черты в разных лингвокультурах, лингвокультурная специфика нередко корректирует дискурсивную, что и объясняет некоторые особенности актуализации категории модальности в религиозной сфере в разных языках и лингвокультурах.

Модальность оценки имеет приблизительно одинаковый удельный вес в русскоязычном и англоязычном религиозном дискурсе, различаются структурно-семантические средства ее реализации: больший удельный вес структурных единиц в русском языке (в том числе параллельных конструкций) и эмоционально заряженных лексических единиц – в английском. Модальность побуждения в русскоязычном религиозном дискурсе реализуется как эксплицитно, так и имплицитно (за счет обратного порядка слов); в англоязычном религиозном дискурсе, в силу четко фиксированных структурно-синтаксических форм построения, побуждения передаются эксплицитно и благодаря вынесению глагольной единицы в начальную синтаксически сильную позицию всегда приобретают дополнительную модальность приказа. Модальность долженствования как в русскоязычном, так и в англоязычном религиозном дискурсе всегда подкрепляется и «эмоциональным компонентом страха». Модальность желания и просьбы в русскоязычном религиозном дискурсе смыкается с мольбой; в англоязычном – с выражением предпочтения. Модальности предпочтения и совета имеют практически одинаковые формы языковой реализации. Предостережение в русскоязычном религиозном дискурсе чаще передается имплицитно, а в англоязычном может приобретать как эксплицитные, там и имплицитные формы передачи. Модальность запрета в англоязычном религиозном дискурсе реализуется эксплицитно посредством отрицательной глагольной формы отрицания или имплицитно, сливаясь с модальностью предостережения или совета. Частотность актуализации модальности предостережения и запрета примерно одинакова в русскоязычном и англоязычном религиозном дискурсе. Модальность угрозы как в русскоязычном, так и в англоязычном религиозном дискурсе всегда сопровождается отрицательной оценкой. В русскоязычном религиозном дискурсе данная модальность чаще приобретает эксплицитные формы реализации, тогда как в англоязычном может реализоваться как эксплицитно, так и имплицитно.

Перспективами исследования может стать сопоставительное рассмотрение модальности оценки и модальности долженствования в религиозном и педагогическом дискурсе в русской и английской лингвокультурах.

Список источников

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностранная литература, 1976. 416 с.
2. Баранов А. Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: мат-лы Международной конференции «Диалог-2013». М., 2013. С. 69-78.
3. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики. Волгоград: Перемена, 2007. 375 с.
4. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Института русского языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. II. С. 38-79.
5. Зайнуллин М. В. Модальность как функционально-семантическая категория (на материале башкирского языка). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986. 123 с.
6. Иванова Н. А. Побудительная модальность как механизм формирования общечеловеческих ценностей (на материале русскоязычного и англоязычного переводов) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 2. С. 133-139.
7. Кобрин О. А. Категория эвиденциальности в современном английском языке (семантика и средства выражения): дисс. ... к. филол. н. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2003. 159 с.
8. Кожемякин Е. А. Производство знания в политическом дискурсе: социально-эпистемологический взгляд // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 52-56.
9. Мусаева Г. Ф. Роль категории модальности в реализации прагматических установок в художественном тексте: дисс. ... к. филол. н. Баку, 1991. 230 с.
10. Прилуцкий А. М. Функционально-семиотический анализ модификаций и трансформаций религиозного ритуала (семиотика религии, перенос ритуалов, религиозный дискурс, ритуальный комплекс, трансформация ритуала, структура) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2017. № 8. С. 12-17.

Modality of the Russian-Language and English-Language Discourses (by the Material of the Bible Texts)

Bobyreva Ekaterina Valerievna, Dr
Volgograd State Social Pedagogical University
new_life@mail.ru

The study aims to identify differences in representation of modality in the Russian-language and English-language religious discourses. The article provides a rationale for modality being a characteristic of religious discourse, carries out a contrastive analysis of text fragments belonging to the Russian-language and English-language discourses, identifies cases in which deontic and alethic modality is actualised, differentiates between linguistic means used for its representation in the considered languages. Scientific novelty of the work lies in identifying differences between linguistic means for modality representation. As a result, it was proved that there are no substantial differences observed between means for actualising modality of incentive, admonition, advice and threat; differences are found between means for actualising modality of assessment, wish, admonition and prohibition.

Key words and phrases: religious discourse; contrast; modality; subjective modality; objective modality; axiological nature.